

ББК 63.3(2) 622-2

Е.В. Войнов

**Деятельность земельных органов Воронежской губернии
по организации колхозов и совхозов (1918–1919 гг.).**

Ключевые слова: земельные органы, коллективизация, колхозно-совхозное строительство, коммуна, артель, товарищество.

Key words: collective farms (kolkhoz), state farms (sovkhoz), province's land administrations, collectivization.

История коллективизации сельского хозяйства является одной из актуальных проблем отечественной исторической науки. Историки рассматривали преимущественно вопросы колхозно-совхозного строительства в конце 1920-х – 1930-е гг. Между тем многие аспекты темы более раннего периода на материалах различных регионов страны остаются недостаточно изученными. Целью настоящей статьи является анализ работы земельных органов Воронежской губернии по организации колхозов и совхозов в 1918–1919 гг.

Особенностью рассматриваемого периода было то, что работа земельных органов по коллективизации крестьянской бедноты в Воронежской губернии постоянно прерывалась вторжениями оккупационных и белогвардейских войск и отрядов. Это значительно затрудняло руководство коммунарами и артелями, делало невозможным оказание им действенной помощи. В уездах, которые пережили нашествие оккупантов или белогвардейцев, земельные органы, как и все остальные, были разогнаны или в лучшем случае эвакуированы вглубь губернии.

Следует отметить, что еще в конце 1917 г. при Воронежском губисполкоме Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов начали создаваться новые органы сельскохозяйственного управления. Вместо земельной управы, которая дискредитировала себя в глазах крестьянства неподчинением советской власти, организован земельный отдел, который должен был руководить всем земельным делом губернии.

Губземотдел, переименованный в августе 1918 г. в губернский комиссариат земледелия, попытался было привлечь к сотрудничеству земельную управу, располагавшую хорошо налаженным аппаратом, но руководство управы не пошло на соглашение «из принципиальных соображений» и сложило свои полномочия [1, с. 1].

В ответ на этот саботаж 9 января 1918 г. губземотдел сообщил, что «губернская земельная управа ликвидирована и в исполнение её обязанностей вступает земотдел при Совете р.с. и кр. депутатов [2, л. 30].

Воронежский губернский крестьянский съезд, созванный Советом рабочих, солдатских и крестьянских

депутатов, 13 января одобрил эти меры и утвердил инструкцию о земотделах вместо упраздненных земельных комитетов, созданных Временным правительством [3, с. 6].

В силу данных крестьянским съездом полномочий губземотдел «взял на себя полностью руководство всем земельным делом губернии» [4, л. 8].

На первых порах новый земельный орган состоял из восьми подотделов, в числе которых имелись подотдел, занимавшийся учетом и охраной конфискованных имений и бюро коммун, организованное летом 1918 г. на правах подотдела, целью которого являлась организация коллективных хозяйств.

Руководство губземотделом осуществляла коллегия в составе председателя, товарища председателя, секретаря и делопроизводителя. Первым председателем коллегии губземотдела был Иван Георгиевич Крючков.

С созданием губземотдела началось переустройство и замена старого земельного аппарата, засоренного представителями контрреволюционных и мелкобуржуазных партий, новым советским аппаратом, проводившим в жизнь аграрную политику большевистской партии.

Первое решительное поражение эсеры, имевшие большое влияние на крестьян, понесли на первом крестьянском губсъезде в конце декабря 1917 г. Представители Воронежского крестьянства выразили недоверие эсеровскому губсовету крестьянских депутатов и принудили его слиться с Советом рабочих и солдатских депутатов [5, л. 42–43].

Однако это еще не означало полной победы большевиков в борьбе за крестьянские массы. Низовой аппарат был пронизан эсеровскими настроениями, влияние их среди крестьян оставалось значительным, и они оказывали сопротивление реформе, которую проводили большевики. Это была одна из основных причин того, что перестройка земельных органов потребовала много времени и усилий. Только в апреле 1918 г. во всех уездах в основном была завершена замена уездных и волостных земельных комитетов соответствующими земотделами.

Новые земельные органы перевели земельную политику в советское русло. Буквально через несколько дней после своего самоутверждения, 12 января 1918 г. губземотдел обратился с воззванием к крестьянству о проведении в жизнь принципов коллективной обработки земли [3, с. 5].

Однако, несмотря на эту декларацию, в первые месяцы своего существования новые земельные органы занимались вопросами, хотя и близкими по смыслу к коллективизации деревни, но все-таки не ими. В первую очередь приходилось проводить в жизнь Декрет о земле с вытекающими из него изменениями в землепользовании.

Весь аппарат земельных органов был занят учетом и распределением земель нетрудового пользования, организацией уборки урожая на помещичьих полях, землеустройством, учетом конфискованных имений и т.д., т.е. проведением в жизнь земельной реформы.

Вопросы коллективной обработки земли в конце 1917 – начале 1918 г. отходили на второй план, на них не акцентировалось внимание. И только повсеместно начавшееся стихийное движение крестьянской бедноты за общественную обработку земли заставило и земельные органы Воронежской губернии весной 1918 г. вплотную приступить к строительству коммун и артелей.

Четвертый съезд губернской партийной организации, состоявшийся в конце августа 1918 г., одобрил деятельность губземотдела и предложил последнему считать «организацию коммун центром земельной политики». Съезд рассматривал земотдел такой ячейкой, которая преобразует сельское хозяйство в социалистическое [6, с. 120].

Новое дело нуждалось в руководстве, организационной и материальной поддержке. Нужен был специальный центр, руководящий коллективизацией деревни.

В ответ на это требование жизни Народный комиссариат земледелия (НКЗ) создал 30 мая 1918 г. специальное «отделение о коммунах», которое входило составной частью в отдел текущей политики НКЗ и было призвано руководить организацией коллективных хозяйств в деревне [7, с. 398]. В Воронеже губернское бюро коммун было создано согласно постановлению губпартконференции почти месяц спустя – 25 июня 1918 г. Организовывалось оно на правах подотдела губземотдела и имело соответствующие отделения в уездах.

«При Губземотделе, – сообщал «Воронежский красный листок», – образовался подотдел по организации и регистрации трудовых коммун и сельхозартелей. В настоящее время работа этого подотдела приняла надлежащие формы и ведется энергичная работа по учету и организации всех возникших и вновь возникающих коммун и сельхозартелей во всей губернии» [8, л. 1].

Штат бюро коммун состоял из пяти работников – заведующего, специалиста-агронома и трех инструкторов (трое из них были членами РКП(б)). Для всё возрастающего объема работ по коллективизации этого числа сотрудников оказалось недостаточным, и бюро коммун вошло в губком с ходатайством об увеличении штата хотя бы еще на одного агронома и одного инструктора.

Газета «Воронежский красный листок», сообщившая об организации бюро коммун, разъясняла и круг обязанностей нового подотдела, «...в задачи которого войдет, как пропаганда идей коммунистических хозяйств, так и организация таковых хозяйств».

Некоторые уточнения обязанностей нового органа дает отчет бюро коммун 25 декабря 1918 г. «Деятельность персонала бюро выражается в инструктировании уездных бюро коммун, пропаганде идей коммунизма среди населения и непосредственное инструктирование организованных коммун, артелей и других видов коллективных хозяйств» [9, л. 1].

Действительно, уже в начале августа 1918 г. губернский комиссариат земледелия приступил к организации в губернии сельскохозяйственных коммун, комитетов бедноты и совхозов [10, л. 1].

Агитационно-массовые поездки работников подотдела, публичные выступления, лекции и беседы о коллективном землепользовании являлись непременной обязанностью инструкторов коммун, выезжавших в командировки.

Только за июль–декабрь 1918 г. сотрудники подотдела прочитали в пяти не занятых белогвардейцами уездах губернии более ста лекций на тему «Значение общественной обработки земли и декрет о миллиардном фонде на мероприятия по улучшению сельского хозяйства». Для этой цели на места выезжали 6 работников комиссариата земледелия, кроме того, было привлечено к чтению лекций около 80 местных агрономов и специалистов. Как сообщала газета «Воронежская беднота», передвижные лекции на эту тему читались и в январе 1919 г.; ими были охвачены многие волости и села губернии [11, л. 1].

Но из-за отсутствия достаточного числа инструкторов и агрономов живое слово агитаторов не всегда проникало в отдаленные от центра села и деревни губернии. Представитель губземотдела Б. Сквирский, посетивший в начале 1919 г. Верхне-Хавскую волость, не обнаружил там ни одного колхоза.

«В волости мало печатного слова, – пишет он, – хотя в волость прибыли агитаторы, но агитация, по-видимому, велась недостаточно, ощущается большой недостаток литературы. Поэтому в волости нашлись лишь 2 человека, желающих организовать коммуну» [12, с. 30]. О недостаточной пропаганде новых форм хозяйствования свидетельствует и факт, о котором сообщила газета «Воронежская беднота»: «Труженик приезжал в Воронеж за ... коммуной, т. к. в их местности нет инструкторов и никто ничего не знает», – писала газета» [8, л. 1].

Отчеты инструкторов подотдела губернского комиссариата земледелия за 1918 г. дают нам представление и о других видах деятельности бюро коммун, в частности, об отводе земли первым коммуна и артелям. Инструктор Кирпичев, например, 8 августа 1918 г. выезжал в Бутурлиновку для надела земли

Первой Бутурлиновской трудовой артели на хуторе Красном, другой инструктор 11 октября руководил отводом земли коммуне «Добрый путь» в Березовской волости Воронежского уезда [13, л. 3–63]. В ноябре 1918 г. инструктор отдела обобществления отдела Григорьев выехал в Рамонь для организации коммун в окрестных селах. В конце года почти все работники подотдела, в том числе и заведующий, уехали в районы сахарных заводов для организации на их землях коллективных хозяйств с обязательным возделыванием сахарной свеклы [9, л. 1].

Молодым коллективным хозяйствам требовалась материальная поддержка, и они получали ее в уездных и губернских бюро коммун. «Бюро коммун, – сообщалось в губернской газете, – снабжает коммуны живым и мертвым инвентарем, организует курсы для руководителей по ведению коллективного хозяйства. Месячные и краткосрочные создаются прямо на местах – в показательных коммунах. Для этой губземотдел отпустил 9500 рублей» [8, л. 1].

В апреле 1919 г. Острогожский уезмотдел, например, организовал курсы для подготовки работников по организации сельскохозяйственных коммун. Такие же курсы на базе совхозов и коммун организовывались и в других уездах.

Предпринимались и иные меры для активизации колхозного строительства и привлечения внимания к вопросам коллективизации. В августе 1918 г. губернский комиссариат земледелия решил выпускать журнал «Сельскохозяйственная коммуна», для чего было выделено 7832 рубля. В январе 1919 г. бюро коммун объявило конкурс на составление популярной брошюры о примерном уставе для трудовых коллективов [13, л. 57].

Постоянные эвакуации земельных органов были названы в обзоре деятельности Воронежского губернского земельного отдела за 1918 – начало 1919 г. «основным злом переживаемого периода» [12, с. 31]. В одной из статей, опубликованной в начале 1919 г., говорилось, что до настоящего времени Воронежская губерния еще не имеет достаточно налаженного организационно-инструкторского аппарата для выполнения огромной и сложной работы по обобществлению хозяйств [12, с. 32].

Как следует из этой статьи, в губернском земельном отделе не было планов работы, не хватало инструкторов и агитаторов. Особенно остро ощущалась нехватка специалистов сельского хозяйства и людей, способных руководить не только отдельными хозяйствами, но и всеми коммунами и артелями в волости или уезде.

Воронежский губернский земельный отдел принимал определенные меры, пытаясь сохранить кадры от мобилизации. Так, он нередко препятствовал тому, чтобы сотрудников брали в армию, или переводили в другие ведомства. «Губземотдел

ходатайствует, – читаем мы в документе от 31 января 1919 г., – о приравнении инструкторов трудовых коммун и артелей к агрономам, лесоведам и прочим специалистам, пользующимся отсрочкой призыва в армию...» [13, л. 58].

Но и имеющихся в наличии работников не хватало, особенно из-за увеличивающегося объема работ по эвакуации и руководству совхозами и колхозами в обстановке прифронтовой полосы. Тогда агрономический подотдел обратился в Воронежский губернский земельный отдел с просьбой о том, чтобы на основании декрета Совета Народных Комиссаров РСФСР от 25 января 1919 г. «всех студентов старших семестров Воронежского сельхозинститута мобилизовать на работы по сельскому хозяйству, откомандировав их на места, с выдачей пособия на переезд в размере месячного содержания...» [13, л. 7].

Однако полностью решить проблему кадров так и не удалось, о чем свидетельствуют постоянные требования и просьбы с мест о присылке инструкторов и организаторов коллективных хозяйств. «Главный недостаток коллективного движения, – сообщалось в мае 1919 г. из Коротоянского уезда, – отсутствие... опытных организаторов» [13, л. 69].

Серьезным сдерживающим фактором в организации колхозов до весны 1919 г. было и то, что Бюро коммун Воронежского губернского земельного отдела всю деятельность направляло на насаждение только одной или преимущественно одной формы производственной кооперации – коммуны в ущерб другим, более простым формам, таким как артель, товарищество, сельскохозяйственное общество и т.д. Это, несомненно, сдерживало рост колхозов, ибо коммуна, более или менее приемлемая для деревенской бедноты, не подходила для середняков и зажиточных крестьян.

Инструкторы Воронежского губернского земельного отдела в своей деятельности по организации колхозов нередко встречались с нежеланием и боязнью крестьян обобщать все свое имущество, вплоть до предметов быта.

«Сельскохозяйственная коммуна, применяется к крестьянской жизни в виде сельхозартели. Крестьянин, рядовой трудовик не может отказаться от своих, я бы сказал от частнособственнических, от части патриархальных интересов. Для этой категории крестьян, – отмечал лектор, побывавший в Воронежском уезде, – артели и лучше и понятнее» [14, с. 59].

В этом убедились вскоре и сами работники Воронежского земельного отдела, и организаторы коммун. Журнал «Сельскохозяйственная коммуна» констатировал, что «крестьянские массы еще не вполне подготовлены для такой формы землепользования (коммуны. – Е.В.) и пока не могут отказаться от личного хозяйственного интереса... поэтому первоначальное направление этой работы пришлось изменить» [14,

с. 27]. Таких признаний в начале 1919 г. делалось немало. В итоге такая ситуация привела к реорганизации губернского и уездных отделов обобществления сельского хозяйства. Перед ними были поставлены новые задачи, которые означали серьезный сдвиг в земельной политике. Теперь одинаковое внимание обращалось не только на коммуны и на совхозы, но также на артели, товарищества и другие более простые виды сельскохозяйственной кооперации. «Таким образом, – говорилось уже в цитированной выше статье, обобществление идет двумя путями – путем коллективизации и путем кооперирования сельскохозяйственного населения» [14, с. 28]. В данном случае мы видим неверное понимание сути производственной кооперации, когда коллективизация еще не считалась составной частью производственной сельхозкооперации. Поэтому орган губземотдела журнал «Сельскохозяйственная коммуна» был совершенно прав, когда отмечал, что «в губернии неудовлетворительно обстоит дело организации коммун, артелей, общественной обработки земли, но, безусловно, в этой работе самый важный фактор-это самостоятельность населения» [14, с. 29].

Количество колхозов росло медленно, но несмотря на недостатки, коллективное движение набирало силу. Об этом, в частности, свидетельствует динамика образования коммун и артелей за 4 месяца 1919 г.: организовано коммун в январе – 3, в феврале – 1, в марте – 2, в апреле – 0, итого 6; организовано артелей в январе – 3, в феврале – 2, в марте – 5, в апреле – 2, итого 12 [13, л. 67].

Несложный анализ этих данных показывает, что уже в начале 1919 г. в Воронежской губернии преимущественно идет строительство артелей, их было создано за 4 месяца в два раза больше, чем коммун. Коммуна не выдержала испытания жизнью, она не была принята крестьянами-середняками и уже не годилась в качестве всеобщего образца. Коммуны еще пользуются популярностью среди деревенской бедноты, но даже в этой среде авторитет их поколеблен. Эти выводы соответствуют положению вещей в масштабе всей страны. Везде и всюду ширится движение по строительству артелей, в то время как число коммун идет на убыль.

Интересно сравнить соотношение организованных коммун и артелей в 1918 и 1919 гг. За три месяца 1919 г. в губернии возникло 6 коммун и 10 артелей. Такое же количество, но в обратной пропорции, было создано за весь 1918 г. – 10 коммун и 6 артелей [15, л. 23]. Данный пример наглядно показывает, как совершился перелом в колхозном строительстве губернии. Артель превратилась в основной тип сельскохозяйственной кооперации, стала основной формой для перехода единоличников к общественному землепользованию.

В весенние месяцы 1919 г. колхозное движение в губернии несколько оживилось. Февраль не при-

нес ничего примечательного, хотя и в этом месяце создавались коллективные хозяйства. Известно, что 22 февраля в Новохоперском уезде была зарегистрирована Третьяковская коммуна [16, л. 45].

Особенно быстро продолжали создаваться колхозы в Коротоянском уезде. Граждане Уриво-Успенского общества слободы Урыевой зарегистрировали артель, которую создали еще в феврале. В нее вошло 18 семейств [17, л. 4]. По сведениям Коротоянского укомпарта в марте по уезду организовалось и работало 6–7 коллективов.

В конце марта 1919 г. Воронежский губернский исполнительный комитет в своем постановлении закрепил произошедшие изменения в практике деятельности губернского земельного отдела. В свою очередь, последний постановил, в частности, «признать необходимым организацию и поддержку всех видов коллективизации крестьянского труда – от коммуны до сельскохозяйственных производственных кооперативов». Он дал указание разъяснять, что желательно привлечь в коллективы не только бедноту, но и все земледельческое население, ведущее хозяйство трудового типа» [18, с. 1].

После этих мероприятий работа губернских и уездных земельных отделов была направлена на организацию не только коллективов высокого типа, но и на развитие общественной запашки земли, как более доступной формы коллективизации и обобществление единоличных крестьянских хозяйств [19, л. 51].

Определенная работа по организации колхозного строительства и руководству им проводилась главным образом в уездах, где действовали органы советской власти.

Ответственный работник губернского земельного отдела О.П. Хинценберг, выступая на 3-й Воронежской губернской конференции РКП(б) в январе 1919 г. подтвердил, что коллективная обработка земли продолжает оставаться в центре внимания отдела. «Мы убеждены, – говорил он, – что опыт коллективной обработки земли, безусловно ляжет в основу будущего коммунистического хозяйства» [20, с. 1]. Состоявшийся в начале февраля 1919 г. 5-й съезд Советов Воронежской губернии призвал земельные органы приложить все усилия по организации коммун и общественной обработки земли.

Коллективное движение в апреле 1919 г. дало несколько новых коммун и артелей в Алексеевском, Нижнедевицком и Павловском уездах.

Крестьяне-бедняки Ольшанской волости Алексеевского уезда по инициативе волостной партийки и под ее руководством решили организовать коммуны в бывшем имении помещика Станкевича, но не было инструктора-организатора.

Более 40 членов партии большевиков Катуховской волости Нижнедевицкого уезда также стали коммунарами. В Воронежском уезде 10 апреля организационно

оформилась артель «Землеобработка». В Павловском уезде 19 апреля 1919 г. была зарегистрирована Гнилушанская коммуна им. Ленина. В Землянском приступила к хозяйственной деятельности коммуна «Надежда», ставшая вскоре образцовым хозяйством [15, л. 34–41].

В июле 1919 г. губернский земельный отдел, как сообщала газета «Воронежская беднота», продолжал работать по своим планам, отдавая преимущество коммуна, но организуя также артели, специальные товарищества и общества. Коротоянский уездный земельный отдел, например, помогал коммуна инвентарем, содействовал в приобретении лошадей и сложных орудий труда [21, л. 69]. Однако военные действия на территории Воронежской губернии заставили свернуть работу и прекратить на время вообще деятельность губернского земельного отдела.

Сообщения, поступающие из разных уездов Воронежской губернии, уже после освобождения от белогвардейских войск, показали тяжелую картину всеобщего разорения и разгрома.

Суммируя все данные из уездов о состоянии на местах, губернский отдел по обобществлению сельского хозяйства констатировал в феврале 1920 г.: «Во время

пребывания белых в Воронежской губернии работа губотсельхоза и уотобсельхозов замерла, и многие коллективы совершенно были уничтожены. В настоящее время работа губотсельхозов и уотобсельхозов (уездные отделы обобществления сельского хозяйства. – *Е.В.*) уже налажена и ведется в губернии организации различных видов коллективной и общественной запашки земли». Однако аппарат по организации коллективных хозяйств так и не был отлажен. Комиссия по обследованию уездных отделов обобществления отмечала, что данные органы еще не созданы в южных уездах (Калачаевском, Павловском, Новохоперском и Бочугарском), но туда посланы инструкторы для их организации [23, л. 43].

Таким образом, Гражданская война и иностранная интервенция нанесли сокрушительный удар по сельскому хозяйству Воронежской губернии и затормозили процесс организации колхозов и совхозов. В результате были разгромлены не только коммуны, совхозы и артели, но и земельные органы по руководству колхозно-совхозным строительством. Последовавшая за Гражданской войной разруха отбросила коллективизацию сельского хозяйства в Воронежской губернии на исходные рубежи 1918 г.

Библиографический список

1. Советская газета. – 1918 г. – 4 окт.
2. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). – Ф. 19. – Оп. 64. – Д. 32.
3. Революционное движение в ЦЧО. – Воронеж, 1932.
4. ГАВО. – Ф. 19. – Оп. 28. – Д. 18.
5. ГАВО. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 414.
6. Шестаков, А.В. Сельское хозяйство в годы гражданской войны : краеведческий сборник / А.В. Шестаков. – Воронеж, 1931.
7. Аграрная политика Советской власти. – М., 1954.
8. Воронежская беднота. – 1919 г. – 30 марта.
9. ГАВО. – Ф. 19. – Оп. 28. – Д. 6.
10. Правда. – 1918. – 9 авг.
11. Воронежская беднота. – 1919. – 16 янв.
12. Сельскохозяйственная коммуна. – 1919. – №1.
13. ГАВО. – Ф. 19. – Оп. 28. – Д. 1.
14. Сельскохозяйственная коммуна. – 1919. – №2–3.
15. ГАВО. – Ф. 1. – Оп. – 30. – Д. 32.
16. ГАВО. – Ф. 1. – Оп. 30. – Д. 34.
17. ГАВО. – Ф. 19. – Оп. 30. – Д. 8.
18. Известия Воронежского совета. – 1919. – 10 апр.
19. Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИВО). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 220.
20. Воронежская беднота. – 1919. – 2 янв.
21. ГАОПИВО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 110.
22. ГАОПИВО. – Ф. 19. – Оп. 30. – Д. 42.